

Игорь Шестков "Мосгаз"

МОСГАЗ

В начале января 1964-о года даже маленькие дети нашего двора узнали, что по московским новостройкам бродит таинственный убийца. Коварный и безжалостный. Изверг. Звонит в дверь. На вопрос – кто там, отвечает – Мосгаз. Его впускают, чтобы горелки и трубы проверил, а он убивает всех топором. Рассказывали, что он уже зарубил тридцать пять женщин и детей и в безумной ярости ищет новые и новые жертвы...

О том, что Мосгаз изнасиловал пятнадцатилетнюю девочку, а потом девять раз ударил ее по голове топором, мы не знали. О том, что она выжила – тоже. Не знали мы и о собирании им «трофеев», которыми он хотел растопить сердце балерины-сожительницы.

Кофточка, платки, карманный фонарик, флакон одеколona, пляжные очки, носки, шестьдесят рублей, семьдесят копеек... Прихватил один раз и телевизор. Продал его и погорел. Жадность фраера сгубила.

Не знали ничего. До нас доходили только слухи. Один кошмарней другого. Поэтому для нас Мосгаз как бы и не был человеком. Скорее – роботом-убийцей. Машиной. Демоном. И это добавляло ужаса в и без того жуткую историю. Говорят, что перед расстрелом Мосгаз, по профессии певец-тенор, день и ночь пел арии из популярных оперетт.

...

Мне тогда еще не исполнилось восемь. Школьные каникулы. Хотелось гулять, строить вместе с друзьями снежные крепости и кидаться снежками, но на двор выходить мне запретили из-за рыщущего по улицам Москвы тенора-Мосгаза. Няня моя, Тася взяла отпуск и уехала на родину, в Удмуртию, ухаживать за больной матерью. Поэтому я сидел дома один, смотрел на крупные, медленно падающие снежинки, на заснеженные трамваи, грузовики, волги и москвичи, ползущие по белому проспекту, слушал радио, как замороженный глядел на его беспокойный зеленый глаз.

Я воспринимал слово «мосгаз» по-детски, чувственно, на слух. Мне казалось, что это какая-то пахнувшая газом, клацкающая (мосс-газз, мосс-газз) железяка с бурыми пятнами масляной краски и красными подтеками. Я не понимал, что это сокращение, полагал, что это имя.

Мосгаз представлялся мне психованным дядькой в темно-лиловом пальто, в черной готической вязаной шапке с ушами, с мертвенно-бледным лицом, выразительными, обведенными тушью, неестественно выпученными глазами и большими костлявыми руками. Топор мой Мосгаз держал под пальто, но молниеносно вытаскивал его, когда убеждался в том, что его жертва – беззащитная женщина или ребенок – одна в квартире, и крошил ее как капусту. Кровь не брызгала и не текла, ее вообще не существовало, и жертва и палач молчали, сцена напоминала заводную игрушку – жестяной петушок клюет зернышки...

По улицам Москвы Мосгаз ходил на цыпочках. В квартиры вбегал невидимкой, черным пуделем. Материализовался только в момент убийства.

Должен признать, что мой образ Мосгаза был отчасти навеян картинками из разных книг, не в последнюю очередь из толстенной гэдээровской «Иллюстрированной энциклопедии немого кино», которую я частенько вытаскивал с верхней полки книжного шкафа и жадно листал. Наивные взрослые полагали, что я не пойму того, что не предназначенные для детских глаз книги спрятаны от меня под потолком. Но я понял это еще до того, как научился читать. Не головой, а инстинктом. Чтобы достать книгу с заветной полки, нужно было встать на спинку кресла и подтянуться на руках. Я освоил скалолазание, потому что сообразил, что «нижние», разрешенные книги я могу смотреть и читать в любое время, а верхние... только когда никого нет дома. Это – запрещено, значит тут тайна и приключение. В результате я прочитал «Монахиню», «Сатирикон» и «Гаргантюа и Пантагрюэля» до «Трех мушкетеров» и «Всадника без головы» и познакомился с великолепным графом Орлоком, с истеричным детоубийцей Хансом Беккертом («М») и с доктором Мабузе раньше, чем с навязываемыми мне Незнайкой и Волшебником изумрудного города.

...

В шесть лет, после трагической смерти отца, я осознал то, что люди – смертны. Это знание омрачило мою беззаботную детскую жизнь. История Мосгаза принесла мне еще одно знание. Существуют, оказывается, люди, которым нравится убивать, которые жаждут убийства.

Я боялся встретить таких людей, боялся Мосгаза.

И вот, однажды... сидел я дома один в моей и маминой комнате и играл в конструктор, строил из металлических деталек кадиллак размером с ступню пророка, в котором должны были ездить по кукольному городу оловянные солдатики.

И вдруг... услышал какой-то подозрительный шум. Как будто – на лестничной клетке, у нашей входной двери. Я тихо встал, положил свою поделку на багровый ковер с тиграми и пантерами и не дыша отправился к двери. По дороге я явственно слышал доносившиеся из-за двери топтание, сопение, сдавленные смешки. Тут в наш почтовый ящик кто-то бросил письмо и шумно удалился. Или – только симитировал уход и ждет за дверью с окровавленным топором? Дрожащей рукой я вынул письмо из ящика и беззвучно ретировался. Письмо оказалось неаккуратно вырванным из детского альбома для рисования листом картона с написанным крупными буквами заголовком, небольшим посланием посередине и рисунком под ним.

ПИСЬМО ЩАСТЬЯ

СМЕРТЬ СМЕРТЬ СМЕРТЬ ЖЫДАМ

Я НАТАЧИЛ ТАПОР

ОТКРОЙ ДВЕРЬ ДАМ ПРЯНЕК

МОЗГАС

В слове «прянек» буква «е» была зачеркнута, а над ней была тщательно выписана буква «и». На рисунке был изображен – в стиле «ручки, ножки, огуречик» – ухмыляющийся одной извилиной рта злодей Мосгаз с топором и ножом и лежащий у его ног мальчик без головы. Голова его, похожая на колобка с тремя волосинами, была помещена в нижний правый угол письма. Рядом с ней кто-то для верности приписал красным карандашом:

ЖИД ТВОЯ БАШКА.

Я хоть и прочитал уже «Копи царя Соломона», но царской мудростью не обладал и конечно не додумался до того, что это письмо – работа соседских ребят. Выполненная, возможно, не без участия их родителей (слово «жид» нам, первоклашкам было кажется еще незнакомо). Но отлично понял, что слова «твоя башка» относятся ко мне, и что это моя голова – по замыслу Мосгаза – должна быть откромсана от тела... Топором...

Отбросив письмо как невзорвавшуюся гранату, я бросился в кухню, открыл шкаф, схватил первый колющий предмет, который попался под руку – большую двузубую вилку – и убежал в самую далекую от входной двери комнату. Там я залез в наш старинный буфет красного дерева, выставил перед собой свое оружие и затаился.

И хотя гигантский этот деревянный ящик, с многочисленными отделениями и полочками, с башенками, мозаиками, интарсиями и цветными стеклышками, результат дружбы бабушки и дедушки с расконвоированными пленными немцами-краснодеревщиками, охотно подрабатывающими в начале пятидесятых за спирт и еду, не казался мне надежным убежищем, ничего другого, как спрятаться в буфете и ждать прихода взрослых, мне не оставалось. Разве что залезть в рояль.

...

Мое холодное оружие, вилка, была единственным предметом, оставшимся от роскошного набора столовых предметов богатого дедушки бабушки Али. Она помнила, как за большим круглым столом, уставленным благородными винами и закусками седобородый Борис Певзнер сам разделявал жаркое ножом и этой самой двузубой вилкой, солидными изделиями фирмы Цвиллинг Хенкельс из Золингена.

На узкой шейке вилки было выбито клеймо – два танцующих человечка, широкое место ручки украшала гравировка – двуглавый орел и монограмма «РМ». Бабушка утверждала, что набор раньше принадлежал одному из членов царской фамилии и был позже подарен ее семье. За особые заслуги. Бабушка не скрывала, за какие – якобы на фабрике ее деда производили лучшую тогда в России сталь, из которой во время Первой мировой войны изготавливались

затворы для трехлинейных винтовок.

Любимая моя бабуля могла и загнуть. Делала она это редко, но со вкусом. Рассказала однажды соседям по палате в академической больнице, что ее настоящая мать – известная в Париже аристократка, мадам такая-то, и что только превратности судьбы загнали ее в этот медвежий угол Европы, в варварскую страну Россию, ставшую к тому же неизвестно зачем впоследствии эсэсэсэром...

Моего прапрадеда и мою прапрабабушку, имевших несчастье быть до революции фабрикантами и домовладельцами, большевики ободрали как липку. Забрали у них и столовое серебро. Кое-что случайно уцелело, в том числе и эта вилка с орлом. Бабушка ею очень дорожила, хранилась вилка в особом отделении кухонного шкафа, раз в год Тасе было разрешено ее чистить. Использовать царскую вилку по назначению позволялось только тогда, когда к нам приезжала из Ленинграда бабушкина сестра, добрейшая толстушка тетя Ася и привозила с собой целый чемодан говяжьих языков. Языки эти долго варились в соленой воде, после чего их охлаждали и нарезали тонкими кружочками, придерживая двузубой вилкой, обыкновенным советским кухонным ножом за два девяносто с треснувшей лоснящейся деревянной ручкой. Ели мы языки как Чичиков жареных поросят – с хреном и со сметаной.

Это недоступное простому советскому человеку лакомство присылал нам в подарок работавший заместителем директора одного из ленинградских мясокомбинатов дядя Миша, второй муж тети Аси. К языкам он присовокуплял обычно бутылок пять армянского трехзвездочного коньяка, большим поклонником которого был, по его словам, с детства. Коньяк полезен для здоровья, говорил маленький круглый дядя Миша с сильным еврейским акцентом. Потом вздыхал и добавлял – люди, регулярно пьющие коньяк, живут очень-очень долго...

Верность этого утверждения дядя Миша доказал делом – дожил до девяноста с гаком лет и мирно умер в эпоху первоначального накопления капиталов. Когда на улицах колыбели революции вечерами постреливали.

И тетя Ася и дядя Миша были удивительно добрыми людьми. Может быть потому, что после пережитого в ленинградскую блокаду кошмарного голода,

жили благополучно и ели очень вкусную пищу. Никогда не забуду вкуса торта Наполеон в приготовлении тети Аси. Это была не еда, а поэзия. Пушкин. Однажды, впрочем, тетя Ася приготовила кушанье, которое я не смог есть. В глубокой сковородке, полной соблазнительного оранжево-белесого жира, плавали десятка три куриных попок. Все это божественно пахло чесноком, луком и какими-то, неизвестными мне, пряностями. Я осилил только половину чайной ложечки, жир был умопомрачительно вкусен, но больше я есть не стал, боялся отбросить копыта прямо за праздничным столом. А два пожилых, не очень здоровых человека, Ася с Мишей, потихоньку съели все. С белым хлебом. Дядя Миша периодически прихлебывал коньячок, а тетя Ася то и дело садилась за фортепьяно и разражалась бурлескными импровизациями.

Мой дедушка предпочитал коньяк Курвуазье, который поступал к нему по неизвестным мне каналам лет пятнадцать кряду, но не пренебрегал и трехзвездочным армянским. Курвуазье оставлял для компании важных людей, а армянский потреблял в одиночестве, когда смотрел по телевизору футбольные матчи с участием московского Спартака. Каждый забитый Спартаком гол дед приветствовал двадцатью граммами пахнущего клопами бурого напитка в пузатой чешской рюмке. Коньяк, говорил дед, закусывать не надо, это вещь в себе. Но сам же охотно нарушал это правило и съедал во время матча здоровенный бисквитный торт с сливочным кремом, купленный в киоске у Метро Университет.

...

Случаются же курьезы – однажды я нашел в нашем буфете старинную фотографию молодого Ленина. С дарственной надписью. Дорогой Алечке от... Нашел и очень взволновался. находка чрезвычайно поднимала в моих глазах статус нашей семьи. Фотография Ленина с автографом... в нашем буфете!? Современному молодому человеку невозможно даже представить себе, какую удивительную роль играл Ленин в жизни любого советского ребенка. Невыразительное слово «культ» (культяпа культуры) мало отражает глубину и интенсивность этой тотальной девиации, перверсии, этого морганатического брака мертвого старика и пионера. Правы были коммунистические пропагандисты – Ленин был действительно живее всех живых, он всегда был с

нами. Был вездесущ, всепроникающ... как бог-отец, как святой дух...

Лениным, его осточертевшим черепом и маленькими руками негодя, его мерзостными цитатами, его детством, его борьбой, его победой и его смертью советские люди закармливали других советских людей и самих себя с детства и до самой смерти. Как тошнотворным рыбьим жиром.

Мне становится страшно за человечество, когда я представляю себе, что они делали это добровольно. Как сейчас добровольно жрут пригоршнями путинское дерьмо. До какой же гнусности может дойти человек. От Мосгаза – к Газпрому...

Он смотрел на нас со страниц учебников, с обложек книг, с орденов, плакатов, почетных грамот, с денег, паспортов, знамен, со стен домов, с гор и с небес (было и такое), с экранов кинотеатров и телевизоров, со значков октябрят.

Отлитые в гипсе ленины украшали коридоры нашей школы, кабинет директора, учительскую и библиотеку. Бронзовый Ленин стоял на школьном дворе, гранитный Ильич ожидал нас в университете, мраморный, мозаичный – в метро. На громадных российских просторах несли вахту сотни тысяч ленинских бюстов, портретов, статуй.

Ленин был главной темой для бесконечных казенных разговоров, сочинений, нотаций, похвал. Он был главной музой советской поэзии, прозы, живописи, графики, театра и кино. Главным и единственным авторитетом. Основной метафорой для всего чудесного.

Ленин был философским камнем, ответом на все вопросы, альфой и омегой...

У детей, наших сверстников в Европе и Америке, по грубому выражению двоюродного брата моего отчима Миши Бронштейна, эмигрировавшего в Штаты в восьмидесятом году, – из задницы торчали ананасы и бананы, а у нас, бедных совковых ребят – из тощих задниц, а также изо рта, из ушей, и из носов торчал этот отвратительный картавый сифилитик – Владимир Ильич Ленин. Он же сидел у нас в головах и в яичках, теребил бородку и посмеивался.

Когда я, первоклассник, нашел его фотографию в нашем буфете, где-то между дедушкиной полосатой пижамой и бабушкиным старым шелковым халатом, я так взволновался, как будто нашел золотой самородок или живого крокодила и понес свою находку бабушке на кухню.

Бабушка повела себя непонятно. Она поцеловала фотографию, потом изорвала

ее на мелкие кусочки и выбросила их в мусоропровод. Когда я уходил из кухни, я расслышал, как бабушка шепчет сама себе – дура я, дура...

Позже, когда я немного повзрослел, я сравнил даты рождения бабушки и вождя мирового пролетариата и понял, что Лениным этот тип на фотографии быть никак не мог. Кто же это был? Бабушка за все проведенное нами вместе время поведала мне только о двух своих интимных знакомых. Один из них занимал должность директора завода, где она работала начальником цеха. Этот директор исчез, как и положено, в тридцать седьмом году вместе со всей семьей. Чудо, что бабушку не тронули. Другой был, если верить бабуле, генералом НКВД. Он в свою очередь исчез во времена процесса над бериевцами. Оба не были, по рассказам бабушки, похожи на Ильича. Странно все это.

...

Вернемся однако в буфет красного дерева, в его просторное нижнее отделение, где я все еще сидел с вилкой наперевес в ожидании вечера.

Сижу я, сижу на затекающих ногах, потею, слушаю тишину. В буфете душно, тошно, неудобно.

Минуты ребенка тянутся как столетия...

И вот, то ли во сне, то ли наяву слышу я, как кто-то идет по коридору.

Это Мосгаз наверное взломал входную дверь и теперь ищет жертву в квартире.

Фалды его длинного темного пальто развеваются как черное знамя сатаны. В его ужасных белых руках – топор-колун.

Глаза его сверкают от ярости.

Мосгаз шипит и клацает стальными челюстями.

Я сжал вилку так, что серебро затрещало, и зажмурил глаза. Решил, что не буду дожидаться, пока он найдет меня, вытащит из буфета и прикончит колуном, а выскочу из моего убежища как Чапаев на беляков и... ударю его вилкой в тощее брюхо. Он выронит топор и упадет, а я убегу в подъезд и спущусь к Ваське, на третий этаж. У него всегда дома дед-профессор. Он защитит меня от злодея.

Меж тем Мосгаз неотвратно приближался к моему убежищу. Как будто его тянуло ко мне магнитом. Я слышал его дыхание. Он звал меня почему-то по имени, коварно предлагал вылезти из буфета и попробовать свежих пряников. Постучал по красному дереву.

Сейчас откроются дверки буфета и...

Я набрал в легкие побольше воздуха, зажмурил глаза, бешено сжал вилку и, громко крича ураааа, выбросился из буфета, как цепной пес из будки...

Мой дедушка, зашедший проведать меня в обеденный перерыв, едва успел схватить мою руку с двузубой вилкой. Медовые пряники, которые он купил в булочной напротив, выпали из авоськи и раскатились по всей комнате как золотые монеты.

В дрожащих руках он держал «письмо счастья» и растерянно глядел на меня.